

основными эпизодами повести. Детям нужно будет подписать эти иллюстрации фрагментами из повести. Для слабых детей будут указаны границы текста для прочтения, для сильных таких границ не будет.

В завершение хочется отметить, что мотивация – это лишь один из коротких фрагментов в освоении текста и постижении смыслов произведения, чтение – труд читателя, поэтому ребёнок должен быть приучен к чтению.

Литература

Долинина Т.А., Архарова Д.И. Читаем вместе с детьми: современная литература для подростков и её роль в решении проблемы социализации обучающихся (учебно-методическое пособие для учителей). Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «ИРРО», 2014.

Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления (пособие для учителей общеобразовательных учреждений. - Москва: Просвещение, 2011.

Пугач В.Е. Русская поэзия на уроках литературы (методическое пособие). Спб. : Паритет, 2003.

Еремина Т.Я. Мастерские по литературе. 11 класс: Методическое пособие. - Спб: Паритет, 2004.

© Попова М.Ю., 2015

Потапова Д. А.(Екатеринбург, УрГПУ)

***Восточная поэтическая традиция и русская культура
XVIII-начала XIX века***

АННОТАЦИЯ: В статье дан анализ освоения восточной традиции в русской культуре XVIII-начала XIX века, рассмотрены истоки и динамика этого процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтическая традиция, восточно-европейские культурные связи

Potapova D.A. (Yekaterinburg, USPU)

East poetic tradition and the Russian culture of XVIII- beginning of XIX century.

Keywords: poetic tradition, east-european cultural

Рождение новой русской литературы традиционно связывают со сложными историческими, социальными процессами, которые Россия переживала на протяжении XVII - начала XVIII веков. В результате крупных изменений отечественная культура секуляризируется, обретает светский характер. В полной мере относится это и к литературе. В значительной мере процесс формирования новой русской литературы был ориентирован на освоение современных достижений западной, прежде всего, классицистической, чуть позже – сентименталистской поэтической традиции. Это влияние сохраняется и в начале XIX века, когда русская поэзия, вслед за европейской, развивается в русле романтизма.

Однако, при всем увлечении Европой, в XVIII веке начинается и сознательное освоение русскими литературной традиции мусульманского Востока. Данный процесс столь же закономерен, как и стремление освоить западно-европейскую эстетику, и не в меньшей мере обусловлен социально-историческими обстоятельствами. Исследователи (Н. Чалисова и А. Смирнова, Г.З. Пумпян) объясняют «государственный интерес к магометанской вере» сразу несколькими обстоятельствами: 1) геополитическое положение России и ее национальный (поликонфессиональный) состав; 2) активная восточная политика, осуществление важнейших военных и дипломатических акций на ближневосточном направлении (присоединение Крыма, война с Турцией); 3) включенность России в европейские культурные процессы эпохи Просвещения и общеевропейская тогда мода на ориентализм [Чалисова, Смирнова 2000: 248; Пумпян 2011: 6-7].

Характерно, что русские писатели, прежде всего, обратили внимание на художественное своеобразие восточной литературы. Она привлекала экзотичностью, художественной затейливостью. И арабская и персидская поэзия славятся своей изящностью и обилием выразительных средств – по своему строю, стилю и по жанрам они сильно отличаются от западноевропейских представлений о канонах поэзии. Это и притягивало, и отталкивало западных поэтов. Следствием, как отмечает С.И. Николаев, становится то, что многие переводы с восточного поэтического стиля на западный, предложенные XVIII веком, роднит реализующаяся в них стилистическая установка на переложение «*смысла и истины*», *передачу тем и идей оригинала «по своему образу и покрою»*, с ориентацией на стилистические традиции родной литературы и с почти полным невниманием к стилистическим характеристикам переводимого текста [Николаев 1986: 109-122]. Чрезмерная яркость и напыщенность восточной поэзии смущала европейских авторов, что было вызвано различным пониманием сути поэзии в европейской и арабской культурах.

В Россию Восток попадал в основном через Запад. Характерный пример - начальный этап ознакомления России второй половины XVIII — начала XIX вв. с китайской литературой. Оно осуществлялось, главным образом, через языки-посредники — французский, немецкий, английский, маньчжурский — поскольку в Китае тогда царствовала Цинская, т.е. маньчжурская династия) [Рифтин 2004: 12-32]. Английский язык выполнил роль посредника и в процессе работы Н.М. Карамзина над переводом первого и четвертого действий санскритской пьесы Калидасы «Узнанная (по кольцу) Шакунтала». Перевод этот, озаглавленный «Сцены из Саконталы, Индейской драмы», был опубликован в 1792 г. в майском и июньском номерах «Московского журнала» [Гринцер 2004: 33-60].

Особую популярность тема Востока получила в начале XIX века, в период становления и расцвета русского романтизма. По мнению Л.С. Каганович, одной из причин такой популярности была «центробежность» эстетики романтизма, «ее интерес к

культуре не только собственно национальной или античной, как это было в классицизме, но и к духовному наследию и к образу жизни самых разных, в том числе восточных народов» [Каганович 1984: 14].

В числе причин, определивших устойчивый интерес русской литературы к культуре Востока, называется и эстетическая привлекательность Корана. Не случайно многие русские авторы обращались к священной книге мусульман как источнику поэтического вдохновения. Назовем хотя бы «Подражания Корану» А.С. Пушкина, «Из Корана» М.Л. Михайлова, «Подражания Корану» А.Г. Ротчева, «Из Ал-Корана» Л.Я. Якубовича и др.

Но главная причина, по мнению некоторых исследователей, заключалась в особом типологическом сходстве восточного и европейского романтизма. Так, Г. Ломидзе полагает, что в восточной литературе романтизм составляет «национальную стилевую традицию, и она выбивается на поверхность не в определенные, наиболее благотворные для возникновения романтических тенденций времена, но неизменно сопутствует литературному развитию» [Ломидзе 1969: 419].

Для романтиков восточная поэзия оказывалась особенно притягательной в силу интуитивно ощущавшейся ими внутренней близости мироощущения, художественно в ней выраженного. Так, один из лидеров русской романтической литературной критики, О. Сомов, в своей программной статье, заявляет: «Первый народ, имевший поэзию романтическую, были неоспоримо арабы, или мавры» [Сомов 1983: 160]. Восток мыслится в качестве своеобразной «прародины» романтизма, а потому сложившаяся там художественная система во многом определила особенности содержания и формы романтической поэзии в целом.

Однако процесс этот в России долгое время был отмечен все той же «вторичностью». По мнению Н. Чалисовой и А. Смирновой, «поэтика романтизма служила еще одним фильтром, пропускавшим через себя лишь тот Восток, который удовлетворял вкус и радовал взор европейца. <...> Наряду с проникновением *восточных мотивов, переодетых в «западное*

романтическое платье», в оригинальную поэзию (Т. Мур – В. Жуковский, Парни – Батюшков, Байрон – Пушкин), важным каналом, по которому “розы и соловьи” попадали в российскую литературу, оставались в первой половине XIX века переводы восточного “с западного”» [Чалисова, Смирнова 2000: 265] («вторичные» переводы с французского и немецкого). Был, однако, канал, по которому в русскую культуру проникали переводы непосредственно с восточных языков – труды русских филологов-ориенталистов. Но большинство филологических переводов в России осуществлялись в отрыве от поэтической традиции; лишь к 20-30 годам XIX века интерес к Востоку достиг такой степени, что переводы «филологического» направления с арабского и персидского начали публиковаться время от времени в журналах для широкой публики.

Именно по этой причине при общей заинтересованности экзотикой Востока, русские поэты, по примеру Запада, не воспринимали всю специфику восточной поэзии. Как отмечают Н. Чалисова и А. Смирнова, «в ситуации поэтической встречи “европейской” России с азиатским Востоком на общем фоне восхищения перлами экзотической фантазии и “усилий жвивания” в порожденные ею памятники слова очерчивается и область неадекватного понимания. <...>Русская поэзия, отведав с блюда поэзии Востока, ощутила нестерпимо пряный вкус приправ диковинных метафор и уподоблений, почти совсем не разбавленных “едой” поэтического нарратива» [Чалисова, Смирнова 2000: 247]. Рассуждая об основах русских стихов в «восточном стиле», исследовательницы показывают, как «в единое семантическое поле литературного Востока помещаются наряду с джинами Шехерезады, мудрыми дервишами Саади и любовно-винными песнями Гафиза, гордыми бедуинами и внушающим конфессиональный ужас лжепророком Мухаммедом, сюжеты хорошо знакомых библейских сказаний. Все это, переплетаясь, находит выражение в восточном стиле русских романтиков. <...>В поэзии русского романтизма начинается стилистическая работа с восточными мотивами в отечественной литературной традиции, получившая название “восточный стиль”» [Чалисова, Смирнова 2000: 258]. Но что

именно представлял собой «восточный слог», что он почерпнул из настоящей восточной поэзии? По мнению Вяч. Вс. Иванова, он предполагал «прежде всего, уподобления и метафоры, изысканную образность, отчасти имитировавшую арабскую и персидскую» [Иванов 1985: 465-466]. Н. Чалисова и А. Смирнова делают важное дополнение, что в произведениях «восточного стиля» «соединялись метафорические образы в лирике русских романтиков вовсе не в том “курчавом беспорядке”, который виделся у восточных поэтов, а подчиняясь нормам развертывания лирического сюжета, установившимся в русской традиции» [Чалисова, Смирнова 2000: 260]. Однако освоение художественных средств Востока открыло новые эстетические горизонты для русской поэзии, на что считает необходимым указать Н.И. Никулин: «Эстетическое обогащение русской литературы через обращение к восточным художественным традициям и изображение жизни Востока стало примечательной чертой литературной эпохи» [Никулин 2004: 3].

Как мы уже упоминали выше, увлечение Востоком было практически всеобщим, поэтому многие поэты и первого, и второго планов так или иначе использовали восточные мотивы в своем творчестве. По степени влияния на русскую поэзию восточную литературу можно сравнить с античной – с началом увлечения Востоком «заканчивается монополия античной литературы как единственного образца для подражания» [Никулин 2004: 5].

Как отмечает Никулин, при знакомстве с поэзией Востока Европа, и вместе с ней Россия, сделала очень важное открытие – открытие всемирного масштаба художественной словесности. Осмысливая представления о мировой литературе, Гете писал по поводу «Западно-восточного дивана»: «Мое намерение состоит в том, чтобы радостно связать Запад и Восток, прошлое с современным и постигнуть их нравы и образ мышления в их взаимосвязанности, понять одного с помощью другого» [цит. по: Кессель 1973: 29]. Это было важнейшей и определяющей закономерностью осознания единства мировой литературы. Понимание всемирности, единства литературы стало прорывом,

и особенно это ощутила русская литература: «Именно вместе с эпохой осознания понятия всемирной литературы русская литература становится мировым явлением, выходит далеко за национальные пределы, она превращается в художественный и нравственный фактор мирового значения» [Никулин 2004: 5].

Таким образом, познание Востока и его культуры расширило горизонты восприятия и осознания мира и мировой литературы в частности, восточная поэзия обогатила художественные методы и тематику в литературе и подарила новый опыт восприятия литературы яркой, затейливой, пышной и изящной, не имеющей аналогов ни в одной европейской культуре. Впереди был следующий этап – изучение и художественное освоение подлинной восточной поэтической традиции, огромную роль в котором сыграл А.С. Пушкин – создатель цикла «Подражания Корану».

Литература

Гринцер П.А. Ранний этап русско-индийских литературных связей. «Саконтала» Карамзина // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 33-60.

Иванов В.В. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М. : Наука, 1985. С. 424-470.

Каганович С. Л. Русский романтизм и Восток. Специфика межнационального взаимодействия. Ташкент: ФАН, 1984.

Кессель Л.М. Гете и «Западно-восточный диван». М. : Наука, 1973.

Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи // XVIII век. Литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. М.: Наука, 1986. С. 109-122.

Никулин Н.И. Введение // Восток в русской литературе XVIII-начала XX: знакомство, переводы восприятие. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 3-11.

Ломидзе Г.И. Единство и многообразие. М. : Сов. писатель, 1960.

Пумпян Г.З. Коран и арабо-мусульманские мотивы в русской поэзии XIX-начала XX в. // Назим Межид ад-Дейрави. Коран и пророк Мухаммед в русской классической поэзии. СПб: Фонд исследований исламской культуры, 2011. С. 6-19.

Рифтин Б.Л. Русские переводы китайской литературы в XVIII — первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 12-32.

Сомов О. О романтической поэзии // «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. М. : Современник, 1983. С. 158-174.

Чалисова Н., Смирнова А. Подражание восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 245-344.

© Потапова Д.А., 2015

Провкова А.Б. (Екатеринбург, УрГПУ)

***Функции пейзажа в романе М. А. Осоргина
«Сивцев Вражек»***

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены функции пейзажа в романе М. А. Осоргина «Сивцев Вражек», показано, что пейзаж включает в себе идеальную модель вселенной, но в гражданскую войну красота разрушается. Уступая место хаосу и распаду.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литература русского зарубежья, пейзаж, гармония и хаос

Provkova A. B. (Yekaterinburg, USPU)

Functions of landscape in the novel «Sivtsev Vrazhek» by M.A.Osorgina.

Keywords: literature of Russian abroad, landscape, harmony and chaos.

В начале XX века Россию захлестнула волна эмиграций. Михаил Андреевич Осоргин оказался в числе пассажиров